

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 255-263
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.255

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Institutionalization of Russian-Turkmen Relations during the Pacification of the Akhal-Teke Oasis

Ilya I. Aminov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the historical events that led to the formation in May 1881 of the lands of the Akhal-Teke oasis and the Transcaspian military department of the Caucasian Military District of the Russian Empire, the Transcaspian region with its center in the city of Askhabad, where administrative, governmental and commercial-industrial institutions of Transcaspia later concentrated. The author argues that the formation of the Transcaspian region has created institutional prerequisites for accelerating the processes of uniting numerous Turkmen clans and tribes into a single ethnic group on the basis of developed Russian institutions of state power, the judicial and legal system, and the adaptation of this system to local traditions and customs. The interaction of traditional institutions of the local population with Russian state institutions, the rapidly changing socio-economic situation, the change in the economic and lifestyle, the link to market relations, led not only to the transformation of the usual way of life, but also to a change in the traditional legal consciousness of the Turkmen. Under the rule of the Transcaspian administration, industry developed, cities began to be built, educational and medical institutions aimed at European standards appeared; the foundation of the future national, and taking into account the localization of religious norms, secular Turkmen statehood, which was further developed in Soviet and post-Soviet times, was laid. The provisions and conclusions formulated in the article on the example of the historical past of the Transcaspian region, which currently geographically forms a large part of modern Neutral Turkmenistan, to a certain extent expand the understanding of the process of formation and development of Russian-Turkmen relations, influence promising areas of cooperation for Russia and Turkmenistan, and specify the functions of state bodies in strengthening these relations.

Keywords: Akhal-Teke oasis, Gek-Tepe, Tekin people, Transcaspian region, Russian-Turkmen relations, institutionalization, Transcaspian administration.

1. Введение

Экскурс в историю присоединения Средней (Центральной) Азии к Российской империи свидетельствует о том, что после установления российского протектората над Бухарским эмиратом (1868 г.) и Хивинским ханством (1873 г.), а также после создания в Красноводске (центре Закаспийского военного отдела Закавказского военного округа) прочной военной базы (1874 г.) русская армия стала готовиться к дальнейшему продвижению вглубь Туркменистана. На очереди стояло покорение Ахалтекинского оазиса (Ахала)¹, входившего в колонизаторские планы Британской империи, стремящейся к установлению своего влияния на Каспии (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6935. Л. 82). Наличие этих обстоятельств актуализирует вопросы, была ли у России в таких условиях альтернатива вооруженному вторжению в Ахалтекинский оазис, как повлияло его покорение дальнейшему

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

¹ Ахалтекинский оазис (Ахал) расположен на юге Арало-Каспийской низины современного Туркменистана.

развитию российско-туркменских отношений, перспективам сотрудничества, конкретизации деятельности российских государственных органов в укреплении этих отношений.

Сложность и поэтапность продвижения военного контингента вглубь Ахалтекинского края, немирный характер приобщения коренного населения к российскому правопорядку были вызваны независимостью проживавших здесь туркмен текинского племени, их господствующим положением над другими племенами, воинственностью, склонностью к нападению на соседей, несхожестью отношения к возможному подчинению Российской империи.

В самом начале присоединение этого оазиса к России большинством коренного населения мыслилось не как полное подчинение имперской власти, а как мирный переход в вассальную зависимость с сохранением национальных прав и обычаев. Немалую роль в ослаблении сторонников такой позиции среди текинцев-туркмен сыграла деятельность английских агентов, утверждавших, что Великобритания как истинная защитница ислама (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6810. Л. 6), окажет скорейшую военную помощь тем туркменам, кто будет препятствовать продвижению русских войск (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6935. Л. 62).

Неблагоприятное для России окончание первой Ахалтекинской экспедиции 1879 г. под командованием генерала Ломакина, одновременно совпавшее с крупным успехом британских войск в Афганистане, привело к опасению, что Великобритания, устремленная расширить свои индийские колонии, начнет крупномасштабное наступление через туркменские земли вглубь Средней (Центральной) Азии для того, чтобы стать полноправной хозяйкой этого региона.

Решительные и бескомпромиссные действия М.Д. Скобелева, начальника начатой в 1880 г. второй Ахалтекинской экспедиции, принявшего во внимание печальный опыт первого похода в Ахал-Теке под командованием генерала Ломакина (1879), способствовали успешному продвижению военного отряда через населенные пункты Кизыл-Арват, Ходжа-Кала, Бами, Борме к Геок-Тепе – главному укрепленному пункту антирусского сопротивления и административному центру Ахалтекинского оазиса.

Взятие штурмом 12 января 1881 г. геок-тепинской крепости, в которой сосредоточилось на тот момент практически все население оазиса, хотя и привело к безжалостному погрому ее защитников, но в то же время положило начало приобщению текинцев к российской государственности, а на этом фоне – к разрешению межплеменных и межродовых разногласий. Доказательством служит тот факт, что после 12 января конвой, сопровождавший все виды транспорта, передвигался по оазису в полной безопасности, начались бесперебойные работы военных топографов по установлению границ с Персией (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 264).

Продвижение же военного отряда далее вглубь Закаспия было временно остановлено. Желая избежать возможных конфликтов с Англией и Персией, российское правительство запретило Скобелеву движение войска на восток за пределы оазиса, предписывая к тому же не нарушать неприкосновенности персидских границ.

18 января отрядом под командованием полковника А.Н. Куропаткина без боя были заняты аулы Асхабад (Ашхабад)¹, Аннау, Гяурс и все населенные пункты к северу от крепости Геок-Тепе. Таким образом, к Российской империи была присоединена новая обширная территория, равная 28 тыс. квадратных верст с населением в 200 тыс. душ. Так разрешился вопрос о занятии Ахалтекинского оазиса (Россия и Туркмения..., 1946, док. 65). Сокрушительный удар, нанесенный текинцам ахала, и дальнейший снос геок-тепинской крепости произвели неизгладимое впечатление на все остальные туркменские племена. Эти события подготовили мирное присоединение других оазисов, а затем и всего края, окончательно оформив контуры территории Закаспийской области в составе Российской империи (Россия и Туркмения..., 1946, док. 64).

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили следующие документы.

1. Документы РГВИА – Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация) (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6810, 6935).

2. Опубликованные сборники архивных документов (Россия и Туркмения..., 1946, док. 61-83; Присоединение Туркмении..., 1960, док. 261-330), в составлении которых принимали участие научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР.

3. Материалы личного характера: деловая переписка, отчеты государственных служащих (Давлетшин, 1901; Пален, 1909), воспоминания участников Закаспийских походов, лично знавших и воевавших под командованием прославленного генерала М.Д. Скобелева (Маслов, 1882; Гродеков, 1883).

4. Материалы дореволюционной периодической печати, главным образом, Обзоров Закаспийской области (1882–1890) (Обзор Закаспийской области..., 1897), а также содержащиеся в них политические, этнографические карты, статистические сведения о развитии Закаспийского края.

¹ В настоящее время Ашхабад – столица Туркменистана.

При выработке общей концепции исследования автор руководствовался фундаментальными положениями философии, отечественной истории, истории международных отношений. В вопросах изучения российско-туркменских отношений использовались разные подходы: формационный (сменяемость общественно-экономических формаций), цивилизационный (учет экономических, политических, социальных, духовных элементов восточного или западного общества). При этом приоритетным началом стало соблюдение принципа соотношения и взаимосвязи общего, особенного и единичного, национального, международного и геополитического, исторического, логического, абстрактного и конкретного, что также позволило восполнить определенные пробелы в институционализации российско-туркменских отношений.

3. Обсуждение

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса об институционализации российско-туркменских отношений после овладения Ахалтекинским оазисом, вкратце изложим результаты изучения источников, свидетельствующих о том, что российско-туркменские отношения XIX – начала XX вв. не были предметом комплексного, системного и целостного исторического исследования. Только отдельные сведения нашли отражение в опубликованных ранее научных трудах, аналитических отчетах, записках, журналах, воспоминаниях отечественных ученых, политиков, писателей, чиновников, дипломатов, офицеров и других участников военных, научных, дипломатических, торговых экспедиций. Среди существенных социально-политических и организационно-правовых сведений, почерпнутых нами из отечественной историографии, выявлены:

- специфика установления и развития торгово-экономических и военно-морских связей России с прикаспийскими туркменами, их устремленность добиться российского покровительства, заинтересованность стать подданными империи (Муравьев-Кареский, Карелин, Бларамберг, Галкин-Врасский) (*Материалы по истории..., 1938–1939; Россия и Туркмения..., 1946*);

- попытки систематизации и анализа норм обычного права туркмен, обоснования введения на территории Закаспийской области «военно-народного» управления, сочетавшего военную власть и представительство от коренного населения, адаптации к местным обычаям некоторых правовых норм и создания доступной судебной системы (*Ломакин, 1897; Давлетшин, 1906; Пален, 1909; Хайтлиев, 1986*);

- критика отдельных проявлений военно-колониальной политики Российской империи, включая систему управления, податей и повинностей, судоустройства (*Штейнберг, 1934; Каррыев, Росляков, 1956; Тихомиров, 1960; Аннанепесов, 1982*);

- концепции характера вхождения туркменских племен в состав Российской империи (силового покорения – *Яншин, 2014: 89-92*; добровольного вступления – *Гапуров и др., 1983*; принудительно-мирного включения – *Кадыров, 2001*), что во многом подтверждается спецификой умиротворения Ахалтекинского, Тедженского, Мервского и других оазисов Туркменистана;

- отдельные стороны государственного, административно-территориального и правового строительства при решительном и заинтересованном влиянии Военного министерства Российской империи, других ведомств в среднеазиатском регионе в целом (*Марков, 2010; Котюкова, 2016*).

Немногие из европейских авторов (*Lansdel, 1885; Pierce, 1960*) считали систему имперского правления в Средней (Центральной) Азии эффективной, способствовавшей социально-экономическому развитию региона, отмечали лояльное отношение российских военных к местному населению, конструктивный характер их отношений. Другие исследователи обычно высказывались о сходстве имперской и советской национальной политики в регионе (*Central Asia..., 1967*), доказывали наличие неприятия, противостояния и даже «извечной вражды» между народами России (*Tillett, 1960; Kazemzadeh, 2004*), невозможности формирования демократических институтов в многонациональной стране, разделенной территориально по этническому признаку (*Клайн, 1993; Бенхабиб, 2003*). На фоне осуждения «исконной агрессивности» Российской империи, ее экспансионистских замыслов центрально-азиатские государства были представлены в образе «шахматных фигур» в игре России с Западом за мировое господство (*Hopkirk, 1994; Meyer, Sh. Biysac, 1999; Tucker, 2005*).

Однако проведение собственного исследования проблемы российско-туркменских отношений позволило сделать предварительный вывод о неполном соответствии некоторых из вышеперечисленных отечественных, зарубежных и постсоветских подходов (*Национальные истории..., 1999*) к историческим фактам институциональной реальности. Согласно выявленным сведениям, Средняя (Центральная) Азия преимущественно содержалась за счет имперской казны, коренные жители уравнивались в правах с представителями титульной нации, большинство народных обычаев не нарушалось, царила веротерпимость, большинство молодых мужчин не подлежало воинской повинности; были уничтожены рабство и работорговля, в том числе женщинами и детьми, устранены беззаконие и произвол, творившиеся местными ханами, беками и баями. Под влиянием законодательства Российской империи и организационно-правовых мер, принимаемых администрацией Закаспийской области, был дан импульс прогрессивному развитию самоуправления, судебной и налоговой систем, сформирована новая национальная элита, лояльная к России (*Глушенко, 2010; Белоглазов, 2011*), и т. д.

4. Результаты

После присоединения Ахалтекинского оазиса к Российской империи началось внедрение здесь нового административно-территориального устройства. Первоначально оазис находился в непосредственном ведении командующего экспедиционными войсками в качестве отдельной административно-территориальной единицы. Данная мера была вызвана тем, что утверждение «спокойствия» на этой только что присоединенной территории трудно было обеспечить начальнику Закаспийского военного отдела, находившемуся в Красноводске¹.

В целях укрепления российской власти «Великим сардаром Белого Царя» генералом М.Д. Скобелевым был выдвинут основополагающий принцип не порабощения, а *завоевания доверия у покоренного народа*. По замыслу генерала, многовековые привилегии туркменской верхушки, поддерживаемые в прошлые времена национальными обычаями и богатством, должны были быть вытеснены законами, обязательными для всех.

По мере внесения имперским правлением в оазис элементов стабильности и законности все больше и больше его жителей делали свой выбор в пользу сотрудничества с имперской властью. Этому также способствовало предписание российского командования гуманно обращаться с населением, ничего не брать даром, что подкреплялось удовлетворением русской администрацией жалоб жителей, а также судебной практикой – суровыми приговорами военно-полевых судов в отношении русских военнопленных, нарушивших воинскую дисциплину (*Россия и Туркмения..., 1946: 168-169*).

Для установления мира и спокойствия в регионе было организовано следующее: амнистия всем, кто сражался против России; охрана жен и детей защитников геок-тепинской крепости от возможных провокаций и произвола; попечительский совет для бесперебойного снабжения текинских семей продовольствием и предметами первой необходимости; работа специальной секции Российского общества Красного Креста и т. д.

Помощь Красного Креста была настолько значительной, что его главный уполномоченный, князь Шаховской, счел возможным открыть после штурма в крепости Геок-Тепе отделение при госпитале для раненых женщин и детей. По сведениям А. Маслова, остальных женщин и детей перевели в особый лагерь между Охотничьей башней и минным обвалом, куда им доставляли кибитки, выдавали провизию, домашнюю утварь. Этот контингент вплоть до 2 февраля 1881 г. также находился под защитой Красного Креста. Однако после воззвания Скобелева о возвращении к мирной жизни в крепость стали возвращаться из песков ее бывшие защитники и забирать своих жен, детей и прочих родственников (*Маслов, 1882: 203*).

С целью выражения покорности измученные противостоянием текинцы отправляли к русскому командованию на переговоры почетных людей. Результатом таких действий стало получение свидетельства на жительство и скорое возвращение к мирной жизни. Лояльное отношение, возвращение кибиток, около 150 тысяч пудов зерна, хранившегося в ямах и саманниках крепости, позволили текинцам уже ранней весной перейти к посевным работам. Кроме того, в Персии для исправления мельниц оперативно закупались жернова, кругляки для водосточных труб, там же нанимались рабочие для ремонта водопроводов. Жителям предоставлялась помощь из экстраординарных сумм. Послание с прокламацией почетных лиц в Теджен, Мерв, Персию и Хиву способствовали дальнейшему возвращению жителей и поселению их на прежних местах (*Присоединение Туркмении..., 1960, док. 258*).

О наступлении мирного времени свидетельствовала сдача победителям оружия. И хотя по прошествии двух месяцев после падения крепости эта процедура практически прекратилась, такой образ действий объяснялся не тайным намерением возобновить войну, а народным обычаем беречь личное оружие для защиты семьи и собственного достоинства. Часть выданного победителям оружия и другие свидетельства мужественной обороны крепости стали в дальнейшем экспонатами музея на железнодорожной станции Геок-Тепе.

Известие о победе русских в Ахалтекинском оазисе мгновенно облетело другие непокоренные районы проживания туркменских племен. В военный лагерь под Геок-Тепе прибыл мулла Ишан-Караул-беги от племени солор и саррык с письмом, в котором изъявлялись покорность и желание принять подданство и покровительство Белого Царя. К письму прилагалось более сорока печатей ханов и старшин (*Присоединение Туркмении..., 1960: 219-221*).

После завершения второй Ахалтекинской экспедиции у побежденной стороны осталось много вдов и сирот, их положение было самое незавидное. Те, кто имел близких родственников, еще как-то пристраивались, но те, кто остался без хозяина или мужа, страшно бедствовали, терпели нужду и голод. Целыми днями они осаждали кибитки военных комендантов, назначенных в селениях. Несмотря на то, что им выдавалась одежда и провизия, всего этого было недостаточно. Однако у текинских женщин, в отличие от других женщин Центральной Азии, были врожденные преимущества. Благодаря

¹ Закаспийский край в это время управлялся на основании Временного положения об управлении Закаспийским краем и Временного положения о военном управлении в Закаспийском отделе приложенных при приказе по военному ведомству от 15-го марта 1874 года за № 95. (См.: *Россия и Туркмения..., 1946, док. 65*).

работоспособности и храбрости текинки могли выживать в самых сложных условиях. Более того, несмотря на несколько приниженное социальное положение, свойственное любой мусульманке Востока, текинки пользовались некоторыми правами, освященными туркменскими обычаями. Так, в случае семейного конфликта или потери кормильца текинка могла явиться на совет мужчин и потребовать себе то, что ей положено по адату (обычному праву туркмен) (Маслов, 1882: 195).

Начало институционализации российско-туркменских отношений сопровождалось составлением списков старшин, мирабов¹, казиев² для последующей легализации и утверждения их статуса русской администрацией. Предлагалось вознаграждать деятельность старшин соразмерно количеству кибиток в селении; мирабам – давать вознаграждение от поселян в зависимости от величины сбора хлеба (Присоединение Туркмении..., 1960, док 259). Всем коренным жителям объявлялось о порядке разбора имущественных споров, как и раньше у казиев, но по наиболее важным и сложным делам требовалось обращение к заведующему поселением оазиса. Такой порядок в дальнейшем привел к тому, что участились случаи обращения туркмен к администрации области с просьбой о внесении изменений в тот или иной обычай для его адаптации к новым условиям (например, о сдерживании размера калыма – платы за невесту).

Покоренные ханы Ахала временно отстранялись от прежней роли «правителей», поскольку требовалось время для выяснения степени их лояльности к новым порядкам (Присоединение Туркмении..., 1960, док 258). Однако уже в марте 1881 г. к Скобелеву явились с изъявлением покорности некоторые влиятельные представители племенной верхушки, среди которых были руководители обороны Геок-Тепе: Махтумкули-хан – сын Нур-Верды-хана – наиболее авторитетного среди туркмен правителя, Овез Мурад Тыкма-сердар, бежавший после падения геок-тепинской крепости в Теджен с частью туркменской конницы (Россия и Туркмения..., 1946, док. 83). Несколько позже туркменские ханы Ахала и других оазисов займут промежуточную административную ступень между уездными начальниками и аульными старшинами. Таким образом, новой властью наряду с аулами было сохранено деление туркменского общества на родоплеменные группы, предводителями которых до присоединения края были ханы.

В архивных документах сохранилось немало сведений о мирном приобщении правящей туркменской элиты к русской культуре и традиционным российским ценностям. Так, в апреле 1881 г. Тыкма-сердар получил приглашение в Петербург вместе с несколькими своими родственниками. В документах эта небольшая группа текинцев именовалась «депутация» («делегация») от Ахалтекинского оазиса (Россия и Туркмения..., 1946, док. 68, 69). Депутация посмотрела столицу Белого царя, ее окрестности, для чего был составлен подробный список как гражданских, так и военных объектов для посещения (Россия и Туркмения..., 1946, док. 70). Участники депутации получили награды и подарки, а Тыкма-сердару был присвоен чин майора милиции, преподнесены в дар почетная шашка и золотые часы (Россия и Туркмения..., 1946, док. 74, 75). Для укрепления власти и преданности русскому престолу среди текинцев подобного рода политика сыграла не меньшую роль, чем русские батальоны. Об окончательном превращении Тыкма-сердара из противника в союзника России свидетельствует его письмо полковнику Н.Ф. Мешетичу от 5 сентября 1881 г., где бывший глава антирусского сопротивления выразил готовность всегда служить верой и правдой русскому правительству и беспрекословно выполнять приказы начальства (Россия и Туркмения..., 1946, док. 79).

Возвращение ханов, лояльных к новой власти, и восстановление «ханской системы управления» в условиях русского Закаспия проявили наибольшую жизнеспособность. Будучи осторожной в вопросе введения российских институтов власти, администрация области, возглавляемая генерал-лейтенантом П.Ф. Рербергом, смогла в короткие сроки продемонстрировать всей Империи механизмы политико-правовой стабильности, включая жесткость в укреплении вертикали власти, то есть подчинение всех ведомств края распоряжениям ее начальника; допуск в состав уездных управлений не только русскоязычных, но и коренных жителей края; органический синтез административного опыта российских властей Оренбуржья, Кавказа, Туркестана и коренного населения всего региона.

Следует особо подчеркнуть, что большое значение для институционализации российско-туркменских отношений имел тот факт, что прежде самостоятельное подчинение мелким племенным ханам и родовым старейшинам уступило место централизованному управлению. Область, ранее страдавшая от непрерывных межплеменных и межродовых конфликтов, кровавых распрей из-за пастбищ, родников, колодцев, пользования посевной площадью, в короткие сроки смогла перейти к мирному земледельческому и скотоводческому труду. С этой целью в Ахалтекинском оазисе новой властью собирались сведения о числе кибиток, размере имущества, о стадах, пахотной земле, лугах. Текинцам было обещано, что со дня водворения на прежние места проживания они будут пользоваться правами наравне с русскими. Кроме того, коренному населению разъяснялось, что в случае необходимости из молодых текинцев могут быть сформированы подразделения для участия в битвах с внешними врагами России. Перспектива такой службы их

¹ Распределители поливной воды.

² Шариатский судья.

особенно радовала, поскольку текинца, подобно «орлу», даже после полного покорения было невозможно «обратить в курицу», как и «разбойника – в мирного пастушка» (Маслов, 1882: 203).

В рапорте заведующего населением оазиса майора Сполатбога командующему войсками Закаспийского края от 15 апреля 1881 г. также предлагалось предоставить текинцам возможность служить, поскольку многие из них могли бы стать преданными и полезными российскому престолу в качестве урядников, разведчиков и джигитов. А введение в среду текинцев воинской повинности помогло бы сформировать боеспособную легкую кавалерию (Россия и Туркмения ..., 1946, док. 81). Командование таким подразделением предлагалось поручить офицеру, знающему туркменский язык и местные обычаи (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 259). Данный вопрос поднимался не только закаспийской администрацией, но и включался в повестку центрального правительства. Так, согласно архивным материалам, управляющим военного министерства в июле 1881 г. был отдан приказ спланировать подготовку двух кавалерийских полков из текинских джигитов для службы на западной границе империи (Россия и Туркмения..., 1946, док. 82).

О необходимости приобщения текинцев к военной службе многократно писали военные, историки, публицисты. Неслучайно, когда при переписи уцелевших защитников геок-тепинской крепости, на вопрос, каким ремеслом они занимались, были получены схожие ответы: «Оружейник, в свободное время занимался аламаном»; «шью сапоги, а также аламаню»; «кроме аламана ничем не занимался» (Маслов, 1882: 202). При этом в оценках многих русских офицеров, участников закаспийских походов, текинцы характеризовались как народ неиспорченный, во многих отношениях вызывающий симпатию, прямодушный, обязательный, верный своему слову. Если текинцы и выказывали недовольство в отношениях с русскими, то это объяснялось, главным образом, отсутствием личного опыта общения, нелюбовью к гяурам¹, вызванной антирусскими настроениями и религиозным фанатизмом в среде других азиатских народов.

Поскольку текинцы всегда уважали свободолюбие и храбрость, то и на совете старейшин (маслахате) ими всегда в качестве вождей (ханов) выбирались те, кто в наибольшей степени соответствовал этим качествам. В русских же завоевателях этот народ больше всего ценил справедливость и сохранение его вековых обычаев (адатов).

В этом смысле заведующий населением Ахалтекинского оазиса майор Сполатбог и его подчиненные становились связующим звеном между народом и новой властью. Однако адаты (обычаи) текинцев, как и других туркменских племен, предстояло очистить от всего жестокого, нецивилизованного (участие в аламанах, пленение соседних народов, работоторговля, «кровная мечь», самосуд, насильственный захват имущества виновного в преступлении и другие). Так, все находившиеся у текинцев пленные персы и представители иных народов в течение нескольких месяцев после падения крепости в Геок-Тепе были освобождены и отправлены на родину. Делалось это ради сохранения мира, правопорядка среди самого коренного населения оазиса. Такая политика привела в дальнейшем к минимизации содержания в крае русского военного контингента (штыков) (Россия и Туркмения..., 1946, док. 67), что стало одним из главных показателей успешной деятельности русской администрации. А небольшой, но хорошо организованный контингент регулярного войска вызывал у коренного населения больше уважения, нежели страха. Так, полковник И.-Ф.-Г. А. Аминов, исправляющий должность начальника областного штаба, докладывая в Петербург о состоянии коренных жителей Закаспия, писал: «отношение населения с войсками замечательно хорошее...» (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 259: 494; 261: 497). Подтверждением этих слов может быть и то, что население оазиса охотно снабжало войска верблюдами с погонщиками для перевозки казенных грузов, причем по достойной для того времени цене (Присоединение Туркмении..., 1960, док. 264: 530). Сборы и повинности, не утвержденные правительством, строго запрещались.

Через несколько месяцев на безлюдную линию от Баши до Геок-Тепе вернулось более восьми тысяч текинских семей (Россия и Туркмения ..., 1946, док. 63). Так занимались новые земли Средней (Центральной) Азии.

5. Заключение

Умиротворение Ахалтекинского оазиса положило начало институционализации российско-туркменских отношений, сделав их в дальнейшем жизнеспособными и исторически устойчивыми. Сыграв в жизни коренного населения позитивную роль, институционализация повлияла на формирование у текинского и других туркменских племен потребности в организации новых видов социально-экономической деятельности и духовной жизни. Так, на сходах народных представителей (маслахат) жители последующих после Ахалтекинского оазиса территорий принимали решения о добровольном присоединении и подчинении России, что нашло выражение, например, в «Клятвенном обещании» представителей Мервского оазиса. После присоединения Мерва к Российской империи последовало продвижение русских войск вверх по Мургабу на юг в Иолотанский и Пендинский оазисы, заселенные туркменами сарыкского племени, ментально, кровнородственно и экономически связанного с мервцами.

¹ Презрительное название немусульман.

В целом присоединение Ахалтекинского оазиса создало предпосылки для ускорения процесса консолидации туркмен в единый этнос, а развитые российские государственные структуры и институты оказали влияние на формирование исполнительных органов, судебной и налоговой систем. При этом сосредоточение административных и судебных полномочий в лице начальника Закаспийской области не противоречило менталитету туркмен, ускоряло процесс их адаптации к новой обстановке и условиям жизни.

Институционализация российско-туркменских отношений после умиротворения Ахалтекинского оазиса стала мощным толчком в уничтожении рабства и работорговли, в том числе женщинами и детьми. Под влиянием законодательства Российской империи был задан импульс формированию местных элит и развитию самоуправления. Не вторгаясь в целом во внутреннюю жизнь местного населения, сохраняя его традиции, обычаи, органы военно-народного управления унифицировали правила судопроизводства у разных племен, изучили правовые нормы разных сфер народной жизни, обеспечили справедливое решение родоплеменных, водоземельных и иных споров.

Благодаря умелому руководству со стороны Военного и иных министерств российские власти осуществили цивилизационное объединение этого края с остальными частями Российской империи.

Литература

[Аннанепесов, 1982](#) – Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. / Ответ. ред. А.А. Росляков. Ашхабад, 1982. 268 с.

[Белоглазов, 2011](#) – Белоглазов А.В. Формирование политики России в Центральной Азии. Казань, 2011. 356 с.

[Бенхабиб, 2003](#) – Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. 289 с.

[Гапуров и др., 1983](#) – Гапуров М.Г., Росляков А.А., Аннанепесов М. Братство навеки (к 100-летию добровольного вхождения Туркменистана в Россию). Ашхабад. 1983.

[Глуценко, 2010](#) – Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Серия: «Россия забытая и неизвестная». М., 2010. 337 с.

[Гродеков, 1883](#) – Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883. Т. 2. 312 с.

[Давлетшин, 1901](#) – Давлетшин А.Г.А. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб. 1901. 106 с.

[Кадыров, 2001](#) – Кадыров Ш. Русско-туркменский исторический словарь. Берген, 2001. Т. 1.

[Каррыев, Росляков, 1956](#) – Каррыев А., Росляков А. Краткий очерк истории Туркменистана (от присоединения к России до Великой Октябрьской соц. революции. 1868–1917 гг.). Ашхабад, 1956. 152 с.

[Клайн, 1992](#) – Клайн Э. Самоопределение наций: созидание или опасная забава? // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2. С. 156-164.

[Котюкова, 2016](#) – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2016. 390 с.

[Ломакин, 1897](#) – Ломакин А. Обычно право туркмен (адат). Асхабад, 1897. 174 с.

[Марков, 2010](#) – Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. Изд. 2-е, испр. М., 2010. 316 с.

[Маслов, 1882](#) – Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб., 1882. 327 с.

[Материалы по истории..., 1938–1939](#) – Материалы по истории туркмен и Туркмении в 2-х томах. М.-Л., 1938–1939. Т. 1, 2.

[Национальные истории..., 1999](#) – Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 1999. 445 с.

[Обзор Закаспийской области..., 1897](#) – Обзор Закаспийской области с 1882 по 1892 год. Издание второе. Асхабад, 1897. 332 с.

[Пален, 1909](#) – Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. [Т. 4.] Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. 311 с.

[Присоединение Туркмении..., 1960](#) – Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов) / Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960. 823 с.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[Россия и Туркмения..., 1946](#) – Россия и Туркмения в XIX веке: к вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов / Сост.: проф. А.Г. Соловьев, А.А. Сенников; Под ред. Г.И. Карпова, А.Г. Соловьева, Д.Ф. Масловец; Туркмен. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы. Ашхабад, 1946.

[Тихомиров, 1960](#) – Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. 239 с.

[Хайтлиев, 1986](#) – Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен / Под ред. П.Ф. Повелицыной. Ашхабад, 1986.

- Штейнберг, 1934 – Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. М.–Л.: «Государственное социально-экономическое издательство», 1934. 169 с.
- Яншин, 2014 – Яншин В.П. Проблема присоединения Центральной Азии к России в XIX веке (историко-графический аспект) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ). 2014. Том 14. № 3. С. 89–92.
- Central Asia, 1967 – Central Asia. A Century of Russian Rule. N.Y. London. 1967.
- Hopkirk, 1994 – Hopkirk P. The Great game. The Struggle in Central Asia. New York, 1994.
- Kazemzadeh, 2004 – Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia. 1864-1914. M., 2004. 711 p.
- Lansdell, 1885 – Lansdell H.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. London, 1885. Vol. 1–2.
- Pierce, 1960 – Pierce R. Russian Central Asia 1867–1913. A Study in Colonial Rule. Berkeley and Los Angeles. 1960. 91 p.
- Tillett, 1969 – Tillett L.R. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill. 1969.
- Tucker, 2005 – Tucker N. Into Russian Turkistan 1872–1917: English travel literature and the creation of the Russian Orient. London, 2005.

References

- Annanepesov, 1982 – Annanepesov, M. (1982). Ukreplenie russko-turkmenskikh vzaimootnoshenij v XVIII–XIX vv. [Strengthening of Russian-Turkmen relations in the XVIII–XIX centuries]. *Otvet. red.* A.A. Roslyakov. Ashkhabad, 268 p. [in Russian]
- Beloglazov, 2011 – Beloglazov, A.V. (2011). Formirovanie politiki Rossii v Central'noj Azii [Shaping Russia's policy in Central Asia]. Kazan', 356 p. [in Russian]
- Benhabib, 2003 – Benhabib, S. (2003). Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru [Cultural claims. Equality and diversity in the global era]. M., 289 p. [in Russian]
- Gapurov i dr., 1983 – Gapurov, M.G., Roslyakov, A.A., Annanepesov, M. (1983). Bratstvo naveki (k 100-letiyu dobrovol'nogo vhozhdeniya Turkmenistana v Rossiyu) [Brotherhood Forever (to mark the 100th anniversary of Turkmenistan's voluntary entry into Russia)]. Ashkhabad. [in Russian]
- Glushchenko, 2010 – Glushchenko, E.A. (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquests and transformations]. Seriya: «Rossiya zabytaya i neizvestnaya». M., 337 p. [in Russian]
- Grodekov, 1883 – Grodekov, N.I. (1883). Vojna v Turkmenii. Pohod Skobeleva v 1880–1881 gg. [The war in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880-1881]. SPb. T. 2. 312 p. [in Russian]
- Davletshin, 1901 – Davletshin, A.G.A. (1901). Otchet kapitana Davletshina po komandirovke v Turkestanskij kraj i stepnye oblasti dlya oznakomleniya s deyatelnost'yu narodnykh sudov [Report of Captain Davletshin on a business trip to the Turkestan territory and steppe regions to familiarize himself with the activities of the people's courts]. SPb. 1901. 106 p. [in Russian]
- Kadyrov, 2001 – Kadyrov, Sh. (2001). Russko-turkmenskij istoricheskij slovar' [Russian-Turkmen Historical Dictionary]. Bergen. T. 1. [in Russian]
- Karryev, Roslyakov, 1956 – Karryev, A., Roslyakov, A. (1956). Kratkij ocherk istorii Turkmenistana (ot prisoedineniya k Rossii do Velikoj Oktyabr'skoj soc. revolyucii. 1868–1917 gg.) [A brief outline of the history of Turkmenistan (from joining Russia to the Great October Socialist Revolution. 1868-1917)]. Ashkhabad, 152 p. [in Russian]
- Klajn, 1992 – Klajn, E. (1992). Samoopredelenie nacij: sozidanie ili opasnaya zabava? [Self-determination of nations: creation or dangerous fun?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2: 156-164. [in Russian]
- Kotyukova, 2016 – Kotyukova, T.V. (2016). Okraina na osobom polozhenii. Turkestan v preddverii dramy [The outskirts are in a special position. Turkestan on the eve of the drama]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 390 p. [in Russian]
- Lomakin, 1897 – Lomakin, A. (1897). Obychno pravo turkmen (adat) [Usually Turkmen law (adat)]. Ashkhabad, 174 p. [in Russian]
- Markov, 2010 – Markov, G.E. (2010). Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii [The nomads of Asia. The structure of the economy and public organization]. Izd. 2-e, ispr. M., 316 p. [in Russian]
- Maslov, 1882 – Maslov, A.N. (1882). Zavoevanie Ahal-Teke. Ocherki poslednej ekspedicii Skobeleva (1880-1881) [The conquest of Akhal-Teke. Sketches of Skobelev's last expedition (1880-1881)]. SPb., 327 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1938–1939 – Materialy po istorii turkmen i Turkmenii v 2-h tomah [Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan in 2 volumes]. M.-L., 1938–1939. T. 1, 2. [in Russian]
- Nacional'nye istorii..., 1999 – Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh [National histories in the Soviet and post-Soviet states]. Pod red. K. Ajmermahera, F. Bomsdorfa i G. Bordyugova. M., 1999. 445 p. [in Russian]
- Obzor Zakaspijskoj oblasti..., 1897 – Obzor Zakaspijskoj oblasti s 1882 po 1892 god [An overview of the Transcaspiian region from 1882 to 1892]. Izdanie vtoroje. Ashkhabad, 1897. 332 p. [in Russian]

- Palen, 1909** – *Palen, K.K.* (1909). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja [Report on the audit of the Turkestan region]. [T. 4.] Narodnye sudy Turkestanskogo kraja. SPb., 311 p. [in Russian]
- Prisoedinenie Turkmenii..., 1960** – Prisoedinenie Turkmenii k Rossii [Turkmenistan's accession to Russia] (Sbornik arhivnyh dokumentov). Pod red. A. Il'yasova. Ashkhabad: Izd-vo Akademii nauk Turkmenskoj SSR, 1960. 823 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rossiia i Turkmeniia..., 1946** – Rossiia i Turkmeniia v XIX veke [Russia and Turkmenistan in the 19th century]: K vhozhdeniyu Turkmenii v sostav Rossii: Sbornik dokumentov. Sost.: prof. A.G. Solov'ev, A.A. Sennikov; Pod red. G.I. Karpova, A.G. Solov'eva, D.F. Maslovec; Turkmen. filial Akad. nauk SSSR. In-t istorii, yazyka i literatury. Ashkhabad, 1946. [in Russian]
- Tihomirov, 1960** – *Tihomirov, M.N.* (1960). Prisoedinenie Merva k Rossii [Joining of Merv to Russia]. M., 239 p. [in Russian]
- Hajtliev, 1986** – *Hajtliev, A.* (1986). Ugolovnoe obychnoe pravo turkmen [Turkmen customary criminal law]. Pod red. P.F. Povelicynoj. Ashkhabad. [in Russian]
- Shtejnberg, 1934** – *Shtejnberg, E.L.* (1934). Ocherki istorii Turkmenii [Essays on the history of Turkmenistan]. M.–L.: «Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo». 169 p. [in Russian]
- Yanshin, 2014** – *Yanshin, V.P.* (2014). Problema prisoedineniya Central'noj Azii k Rossii v XIX veke (istoriko-graficheskij aspekt) [The problem of the annexation of Central Asia to Russia in the XIX century] *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta (KRSU)*. 14(3): 89-92. [in Russian]
- Central Asia, 1967** – *Central Asia. A Century of Russian Rule.* N.Y. London. 1967.
- Hopkirk, 1994** – *Hopkirk, P.* (1994). The Great game. The Struggle in Central Asia. New York.
- Kazemzadeh, 2004** – *Kazemzadeh, F.* (2004). Russia and Britain in Persia. 1864-1914. M., 711 p.
- Lansdell, 1885** – *Lansdell, H.D.* (1885). Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. London. Vol. 1–2.
- Pierce, 1960** – *Pierce, R.* (1960). Russian Central Asia 1867–1913. A Study in Colonial Rule. Berkeley and Los Angeles. 91 p.
- Tillett, 1969** – *Tillett, L.R.* (1969). The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill.
- Tucker, 2005** – *Tucker, N.* (2005). Into Russian Turkistan 1872–1917: English travel literature and the creation of the Russian Orient. London.

Институционализация российско-туркменских отношений в период умиротворения Ахалтекинского оазиса

Илья Исакович Аминов ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются исторические события, повлекшие за собой образование в мае 1881 г. из земель Ахалтекинского оазиса и Закаспийского военного отдела Кавказского военного округа Российской империи Закаспийской области с центром в г. Асхабаде, где в дальнейшем сосредоточились административные, правительственные и торгово-промышленные учреждения Закаспия. Автор утверждает, что образование Закаспийской области создало институциональные предпосылки для ускорения процессов объединения многочисленных туркменских родов и племен в единый этнос на основе развитых российских институтов государственной власти, судебной системы, адаптации этой системы к местным традициям и обычаям. Взаимодействие традиционных институтов местного населения с российскими государственными институтами привело не только к трансформации привычного образа жизни, но и к изменению традиционного правосознания туркмен. Под властью закаспийской администрации получила развитие промышленность, стали строиться города, появились образовательные и медицинские учреждения, устремленные к европейским стандартам. Было заложено основание будущей светской туркменской государственности, получившей дальнейшее развитие в советское и постсоветское время. Сформулированные в статье положения и выводы на примере исторического прошлого Закаспийской области в известной степени расширяют представления о процессе становления и развития российско-туркменских отношений, а также конкретизируют функции государственных органов в укреплении этих отношений.

Ключевые слова: Ахалтекинский оазис, Гек-Тепе, текинцы, Закаспийская область, российско-туркменские отношения, институционализация, закаспийская администрация.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)